

**И.В. Демин,
Самарский университет**

**ПОНЯТИЕ «АНТИСИСТЕМА»
В ПАССИОНАРНОЙ ТЕОРИИ ЭТНОГЕНЕЗА ЛЬВА ГУМИЛЕВА**

Раскрывается понятие «антисистема» в контексте предложенной Л.Н. Гумилевым теории этногенеза. Выявляется значение этого понятия для описания и объяснения этноистории.

Ключевые слова: Л.Н. Гумилев, пассионарная теория этногенеза, пассионарность, этнос, антисистема.

**I.V. Demin,
Samara University**

**THE CONCEPT OF «ANTI-SYSTEM» IN THE PASSIONARY THEORY OF
ETHNOGENESIS BY LEV GUMILEV**

The article describes the concept of "anti-system" in the context of the L.N. Gumilev's theory of ethnogenesis and the meaning of this concept for the description and explanation of ethnohistory.

Keywords: L.N. Gumilev, passionary theory of ethnogenesis

Научные искания Льва Николаевича Гумилева едва ли могут быть локализованы в рамках какой-то одной предметной области – истории, социальной антропологии, исторической географии. Это объясняется не только широчайшим спектром его научных интересов, но и тем, что центральная проблема исследований Гумилева – проблема этногенеза – имеет отчетливо выраженный *междисциплинарный* характер. Теория пассионарности, в которой содержится постановка и решение этой проблемы, является *синтетической, трансдисциплинарной*.

В качестве главного действующего субъекта истории в концепции русского ученого рассматривается *этнос*. Соответственно, именно этнос становится у Гумилева единицей историко-географического анализа. Что определяет принадлежность человека к этносу? Какова природа этнической общности? Как возникают этносы и вследствие чего они сходят с исторической сцены? От чего зависит характер отношения этноса к ландшафту, а также характер его взаимоотношений с этническим

окружением? Таковы лишь некоторые вопросы, которые рассматриваются в пассионарной теории этногенеза.

Этнос не является ни социальным конструктом, ни конгломератом индивидов. Принадлежность к этносу рассматривается Гумилевым как *первичный* факт человеческой жизни. Этничность имеет *всеобщий* характер: «вне этноса нет ни одного человека на Земле» [1, с. 15].

Этническую принадлежность нельзя свести к чему-то или вывести из чего-то. Этнос описывается Гумилевым как явление, «лежащее на границе биосферы и социосферы» [1, с. 17]. В исторической жизни этнос всегда проявляет себя через социальные и политические формы, но сам этнос – явление *не социальное*. Однако этнос и *не биологическое* явление, он не является аналогом популяции. Этнос – самостоятельная сущность, не тождественная ни расе (биологическое понятие), ни социуму, «элементарное явление, не сводимое ни к социологическому, ни к биологическому, ни к географическому явлениям» [1, с. 57].

Гумилев вводит в научный оборот интегральное понятие «этносфера». Этносфера рассматривается русским ученым как особая оболочка Земли (наряду с биосферой, техносферой, социосферой). «Наша цель, – отмечал Гумилев, – понять Всемирную историю как становление одной из оболочек Земли – этносферы» [1, с. 171].

Этносфера имеет свои закономерности развития, отличные не только от биологических и географических, но и от социальных. Этногенез (этноистория) и социальная история рассматриваются Гумилевым как *параллельные* процессы. Между ними возможна *корреляция*, но нет *взаимно однозначного соответствия*. Один и тот же этнос может проходить через различные стадии социально-исторической эволюции, изменяясь и в то же время сохраняя свою идентичность. Между социальными и этническими закономерностями нет ни прямой, ни обратной связи. «Этносферу» нельзя рассматривать как *порождение* или *проявление* «социосферы». Но и обратное тоже неверно: этносфера не является *определяющим фактором* социального развития, она образует лишь *фон*, на котором это развитие осуществляется. Этничность не сводится к социальности, а социальность – к этничности. «Соотношение между социальными, политическими и этническими коллективами, – писал Гумилев, – можно уподобить соотношению между мерами длины, веса и температуры» [1, с. 209]. Эти явления параллельны, но несоизмеримы.

Ни язык, ни религия, ни культура, ни государственность, взятые порознь, не способны цементировать людей в этнос. Но и совокупность

перечисленных факторов тоже не объясняет природу этнической общности и феномен этнической принадлежности. Конститутивными чертами этноса, согласно Гумилеву, являются: противопоставление себя всем остальным (этническое сознание и самосознание); общий стереотип поведения, единообразный процесс развития (общий ритм этноистории). Отсутствие хотя бы одного из этих условий не позволяет рассматривать ту или иную общность как этнос [2, с. 374-383].

Этническая принадлежность индивида, таким образом, определяется сочетанием: 1) психологической установки, различающей «своих» и «чужих», 2) определенной модели поведения и 3) включенности в общую историю. Все прочие маркеры этничности (общность территории, языка, религии, форм государственно-правовой жизни) рассматриваются Гумилевым как *факультативные*, а не *конститутивные*. Этнос может быть территориально и политически разделен. Члены одного этноса могут говорить на разных языках и диалектах, и, наоборот, разные этносы могут говорить на одном языке. В рамках одного этноса может существовать плюрализм религиозных верований.

Значимую роль в концепции Гумилева играют понятия «химера» и «антисистема». В общем смысле соотношение между этими понятиями таково: «химера» – это этнический субстрат, на котором *могут произрастать* «антисистемы».

Понятие «химера» было введено русским ученым в контексте описания основных способов межэтнического взаимодействия. Гумилев различал три основных формы этнических контактов – «симбиоз», «ксения» и «химера». «Симбиоз» выступает наиболее продуктивной формой межэтнических контактов, при которой каждый этнос сохраняет свое культурно-историческое своеобразие. Этносы, находящиеся в отношении симбиоза, взаимно обогащают и усиливают друг друга [3, с. 255]. «Ксения» представляет такой тип взаимодействия, при котором один этнос живет относительно обособленно в рамках более крупного (вмещающего) этноса. Наконец, «химера» является результатом контакта несовместимых, обладающих отрицательной комплементарностью этносов, принадлежащих к различным суперэтническим системам (цивилизациям).

«Химера» в концепции Гумилева – это феномен этногенеза, в котором происходит наложение разнохарактерных этнических (суперэтнических) систем и традиций. «Химеры» принципиально отличны от этносов, хотя внешне на них похожи. В качестве примера «химер» в пассионарной теории этногенеза приводятся Хазарский каганат, Волжская Булгария, Болгарское

Царство. В чем различие между этносом и химерой? Этнос имеет внутреннюю логику развития, он проходит все возрастные этапы (фазы этногенеза), если не гибнет насильственной смертью. Химера же «либо существует, либо распадается» [1, с. 571], она не имеет внутренней логики. «Соотношение между этносом и химерой, – отмечал Гумилев, – такое же, как между организмом и раковой опухолью. Последняя может разрастаться до пределов организма, но не далее, и живет она только за счет вмещающего организма. Подобно опухоли, химерная антисистема (химеры бывают и безвредными, т.е. пассивными) высасывает из этноса или суперэтноса средства для поддержания существования» [1, с. 571].

Под «антисистемой» в общем смысле Гумилев понимал религиозные (преимущественно еретические) учения, имеющие отрицательную (жизнеотрицающую) направленность. Антисистема всегда возникает на почве этнических химер, однако не всякая химера порождает антисистему. Характеризуя связь понятий «химера» и «антисистема», Гумилев писал: «Есть концепции-вампиры, обладающие свойствами оборотней и целеустремленностью поистине дьявольской. Ни могучий интеллект, ни железная воля, ни чистая совесть людей не могут противостоять этим фантомам. Там, где слагается этническая химера – наложение этнических полей разного ритма, появляются антисистемы» [1, с. 587].

В качестве примера антисистем в пассионарной теории этногенеза приводятся и описываются гностицизм, исмаилизм, манихейство, альбигойство и ряд других концепций. Каждая из трех больших суперэтнических систем Средневековья сопровождалась, согласно Гумилеву, антисистемами (в католической Европе – альбигойцы, в мусульманском мире – исмаилиты, в Византии – павликиане, богомилы). Однако при всех содержательных, догматических различиях между этими учениями речь фактически идет об *одной* антисистеме. Гумилев метафорически уподоблял антисистемы *теньям*, отбрасываемым фигурами. Подобно теньям, антисистемы имеют контуры, но не имеют (не могут иметь) внутреннего наполнения. «Тени разных людей различаются друг от друга не по внутреннему наполнению, которого у теней вообще нет, а лишь по контурам» [3, с. 199]. Аналогичным образом и антисистемы отличаются друг от друга лишь по видимости, тогда как суть и базовая интенция (нигилизм, жизнеотрицание, аннигиляция этнической традиции) у них одна.

Антисистема имеет *деструктивную, паразитарную, подрывную* природу. «Антисистема, – отмечал русский ученый, – подобна популяции бактерий или инфузорий в организме: распространяясь по внутренним

органам человека или животного, бактерии приводят его к смерти... и умирают в его остывающем теле» [3, с. 199]. Антисистема не содержит в себе никаких созидательных импульсов. На почве антисистемных концепций невозможно создать никакой позитивной идеологии и политической программы. Гумилев подчеркивал, что «там, где последователи антисистемы захватывали власть, они отказывались от антисистемных принципов» [3, с. 194].

Целью и смыслом существования антисистемы всегда выступает разрушение суперэтноса, деструкция его духовной традиции и мировоззренческих оснований. Так, по мысли Гумилева, конечной целью исмаилитов XI-XII вв. было разрушение мусульманского суперэтноса, катаров – разрушение суперэтноса христианского (европейского католицизма).

Решающим фактором, препятствующим бесконечному распространению антисистем (по модели раковых клеток), оказывается *пассионарность*, имеющая характер антиэнтропийной силы. «Пассионарный импульс дает как бы высокий накал, в котором химеры «плаваются» и превращаются в этносы, гармонически сочетающиеся с ландшафтами, как звено геобиоценозов. При столь высоких накалах антисистемы существовать не могут» [1, с. 587].

Примечательно, что понятие «антисистема» Гумилев распространял не только на такие локальные этноисторические феномены, как гностицизм, исмаилизм, манихейство, альбигойство, но и на экзистенциализм Карла Ясперса [1, с. 572]. Подобная трактовка представляется тем более неожиданной, что процессы этногенеза, согласно Гумилеву, не зависят от сознательной деятельности индивидов (даже наиболее выдающихся деятелей мировой истории) и протекают с той же необходимостью, что и природные процессы. В такой трактовке содержится возможность расширения методологического потенциала этого концепта, распространение его не только на этноисторию, но и на интеллектуальную историю (в том числе *историю философии*). Впрочем, целесообразность такого расширительного толкования понятия «антисистема» нуждается в специальном рассмотрении.

Список литературы:

1. Гумилев Л.Н. Этногенез биосфера Земли. СПб.: Кристалл, 2001. 638 с.
2. Лавров С.Б. Лев Гумилёв: Судьба и идеи. М.: Айрис-пресс, 2003. 608 с.
3. Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало: популярные лекции по народоведению. М.: Айрис-пресс, 2008. 384 с.